

Г. И. Кустова

*Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Москва, Россия)
galinak03@gmail.com*

ОБ ОДНОЙ СТРАТЕГИИ КОДИРОВАНИЯ НЕАГЕНТИВНОГО СУБЪЕКТА*

Агентивная ситуация Р может быть связана с неагентивной ситуацией R (ср. действие Р → результат R) или получать неагентивную концептуализацию Q (Р'), если на ее реализацию влияют неблагоприятные (реже — благоприятные) факторы. В этом случае референт агенса ситуации Р получает неагентивное кодирование в ситуации Р', Q или R. Одна из стратегий — кодирование субъекта посессивной группой у + Род. Рассматриваются следующие случаи: (1) Р' — мероприятие (ситуация с ослабленной агентивностью): *У меня репетиция* (Р = *Я репетирую*); (2) Q — ситуация с утраченной агентивностью (неагентивная концептуализация): *У меня суп варится* (Р = *Я варю суп*); *У меня мотор не заводится* (Р = *Я не могу завести мотор*); (3) R — результат агентивной ситуации Р: *У меня уроки сделаны* (Р = *Я сделал уроки*).

Ключевые слова: агенс, посессор, контроль, неагентивная концептуализация.

Введение

Настоящая работа посвящена случаям, когда референт агенса некоторой исходной агентивной ситуации кодируется в связанной с ней неагентивной ситуации посессивной группой, например: *Я не могу завести мотор* (Р) — *У меня мотор не заводится* (Q).

Посессивной группой мы будем называть предложную группу у + Род., поскольку это характерный способ выражения посессора в русском языке: *У X-а есть Y* (*У него есть дача*; при этом в русском языке есть и конструкции с посессором-подлежащим: *X имеет Y*).

Посессивной группой в русском языке кодируется не только посессор, но и субъекты самых разных ситуаций (ср. [Золотова 1988]), в этом случае группа имеет

* Работа выполнена при поддержке РФФИ, грант № 17-04-00554 «Семантические процессы в сфере местоименной и предикатной лексики: стратегии референции и концептуализации».

не-посессивную интерпретацию — субъект состояния: *У него грипп*; субъект характеристики: *У тебя все не как у людей*; *У него семь пятниц на неделе*, ср. также: *У нас радость*, *У него неприятности* — событие, не контролируемое референтом посессивной группы.

Референт посессивной группы может вообще не участвовать в ситуации, а только иметь к ней отношение — а именно, быть посессором одного из участников ситуации (происходит так называемая экстрапозиция, или подъем, посессора, ср. [Кибрик 2003], [Кибрик и др. 2006]; ср. также [Possessive and Beyond 2004]): *У него крыша протекает* ('его крыша'). Т. е. посессивная группа *у + Род.* — один из распространенных способов кодирования внешнего посессора.

Агенса как семантическая роль предиката кодируется в русском языке по определенным правилам: именительный в активной конструкции (*Учитель проверяет работу*); творительный в пассивной конструкции (глагол: *Работа проверяется учителем*; причастие: *Работа проверена учителем*), о номинализациях см. ниже.

При этом референт агенса может участвовать в двух ситуациях: в агентивной, в качестве агенса, — и связанной с ней неагентивной, в другом качестве.

Соответственно, в неагентивной ситуации он получает **неагентивное кодирование**. Например, в инфинитивной конструкции референт агенса агентивных глаголов кодируется дативом (*Он выходит — Ему выходит*). Однако некорректно было бы утверждать, что агентс получает неагентивное кодирование, т. е. что в русском языке агентс, наряду с именительным, может кодироваться еще и дательным падежом: в инфинитивной конструкции референт агенса концептуализован как субъект модального отношения (в данном примере — должествования). При этом он остается агенсом другой ситуации — физического действия.

В данной работе мы будем рассматривать случаи, когда имеются две ситуации с кореферентным участником-лицом — агентивная ситуация Р и связанная с ней неагентивная (не полностью агентивная) ситуация Р', Q или R, — в которой референт агенса ситуации Р кодируется посессивной группой *у + Род.* Речь идет о следующих случаях: 1) агентивная ситуация Р (*Он тренируется*) получает концептуализацию Р' с ослабленной агентивностью. Ситуация Р' обозначается субстантивом-номинализацией (событийным существительным), ср.: *У него тренировка*; 2) агентивная ситуация Р (*Я варю суп, Я пытаюсь завести мотор*) «скрывается» за неагентивной концептуализацией Q, выражаемой глаголом (*У меня суп варится; У меня мотор не заводится*), т. е. Q является неагентивным фрагментом Р; 3) агентивная ситуация Р (*Я сделал уроки*) предшествующего интервала завершается результатом R, обозначаемым причастием (*У меня уроки сделаны*), и референт агенса сохраняет связь с этим результатом — стативной ситуацией R. Конструкции вида *У + Род. + Им.* (*У него тренировка*); *У + Род. + глаг.* (*У меня мотор не заводится*); *У + Род. + кратк. страд. причаст.* (*У меня уроки сделаны*) будем называть, соответственно, субстантивной, глагольной и причастной.

1. Субстантивная конструкция: у + Род. — участник МЕРОПРИЯТИЯ

Агентивная ситуация может обозначаться как глаголом, так и отглагольным существительным: *тренироваться* — *тренировка*, *обедать* — *обед*; иногда существительное обозначает ситуацию супплетивно, ср. *стреляться* — *дуэль*, *проверять* — *аудит* (наряду с *проверка*); иногда событийное существительное вообще не имеет прямого соотношения с глаголом, ср. *спектакль*. Тем не менее, постулируя связь таких существительных с реальным или потенциальным глаголом и учитывая их событийную семантику, мы будем для краткости называть их номинализациями, или ситуативами.

Поведение и свойства номинализаций в русском языке существенно отличаются в зависимости от того, являются ли они управляемыми или свободными, т. е. зависят ли они от глагола или выступают в качестве независимого (главного) предиката в предложении.

Управляемыми мы называем номинализации, которые зависят от служебного («легкого», полузнаменательного) глагола (*извиниться* — *принести извинения*; *обсудить* — *состоялось обсуждение*) или от полнозначного глагола (*организовать обсуждение*; *обсуждение увлекло аудиторию*) и являются при таком глаголе подлежащим или дополнением (см. [Кустова 2013: 395]). Агнс управляемых номинализаций выражается, по общему правилу (см. [Падучева 2010], [Лютикова 2016]), родительным при отглагольном существительном от непереходного глагола, ср.: *Состоялась встреча писателя с читателями*; *Назначили встречу писателя с читателями* — *Писатель встретился / встретится с читателями* (также притяжательным местоимением — *его встреча*), или творительным при отглагольном существительном от переходного глагола: *Состоялась проверка школы комиссией из министерства* — *Комиссия проверила школу*. Однако номинализация может выступать и как самостоятельное обозначение ситуации (со служебным глаголом, выражающим время и наклонение) — условно назовем такую конструкцию предикативной номинализацией (сокращенное от «предикативное употребление номинализации»). Предикативная номинализация употребляется в двух видах (конструкциях) — в именительном с субъектом-посессивной группой (*У него встреча*) или в предложном с субъектом-подлежащим (*Он на встрече*), но в обоих случаях выполняет функцию главного предиката, т. е. выступает как эквивалент личного глагола (кроме того, номинализация может функционировать как адвербиал, ср.: *На встрече они обсуждали проблемы взаимодействия*, см. [Кустова 2013], ср. также [Богуславский 2008], но этот случай нас не интересует).

Конструкция с предложной группой и субъектом в именительном, ср.: *Он на встрече / в командировке / на тренировке / на рыбалке* и т. п., — рассматривалась в работе [Кустова 2011]. Сейчас нас будет интересовать конструкция с номинализацией в именительном: *У него встреча / тренировка / репетиция / спектакль / свадьба*.

Управляемая и предикативная номинализация, как уже было сказано, имеют разные свойства. Если управляемая номинализация — это просто синтаксический

дериват глагола, то предикативная номинализация меняет концептуализацию агентивной ситуации, а именно — превращает эту ситуацию в мероприятие (понятие мероприятия с точки зрения контроля рассматривалось в работе [Плунгян, Рахилина 1988], но там оно вводилось просто как тип ситуации, безотносительно к способу обозначения).

Особенность мероприятия в том, что оно занимает некоторый временной интервал и предполагает занятость субъекта на этом интервале: *Его нет, он на встрече; Он не может ответить по телефону, у него [сейчас] встреча / тренировка / спектакль / переговоры / выступление* и т. п. В частности, участники мероприятия не могут на том же временном интервале участвовать в других мероприятиях. Так, например, если человек едет в метро, он может на том же интервале читать книгу, но если человек находится на тренировке, он не может в то же самое время быть на концерте (не важно — в качестве исполнителя или зрителя). С другой стороны, мероприятие неоднородно (состоит из разных отдельных действий): в ситуации *X ловит рыбу* человек только ловит рыбу, в ситуации *X на рыбалке* человек может, кроме того, собирать хворост, разводить костер, варить уху; в ситуации *X тренируется* человек только тренируется, в ситуации *X на тренировке* он может, кроме того, отдыхать, обсуждать что-то с тренером и т. д.

Однако в рамках нашей темы нас интересует другая особенность мероприятия — ослабление контроля (неполная контролируемость). Мы бы добавили к этому и ослабление агентивности, поскольку понятие контроля тесно связано с понятием агенса.

Константными признаками для агентивных ситуаций являются цель и контроль. Агенса осуществляет общий контроль над ситуацией, следит за ее развитием и продвижением к результату, совпадающему с целью. Прототипическая агентивная ситуация предполагает единичного личного агенса и единичный неодушевленный пациент — физический предмет, который изменяется в результате воздействия агенса. Кроме того, агенса затрачивает собственную энергию на реализацию ситуации и занят на всем интервале ситуации. Однако агенса — это обобщение довольно разнородных понятий, и в разных ситуациях агенса, как и контроль, имеют довольно разное содержание. Существенно различается содержание роли агенса в физических действиях (*мыть, резать, ставить*) и в нефизических действиях — перцептивных (*смотреть, читать*), ментальных (*размышлять, планировать*), речевых.

Отклонение от прототипа может, в частности, приводить к ослаблению контролируемости и тем самым — к ослаблению агентивности. Одним из видов отклонения от прототипа агентивной ситуации и является мероприятие. Если говорить в общем, мероприятие — это агентивная ситуация в том смысле, что в мероприятии обязательно должен быть агенса (ситуации типа *У него грипп* или *У нас неприятности* не являются мероприятиями). Однако обычно в мероприятии участвует больше одного агенса, и агенсы осуществляют разнородную деятельность, ср.: *концерт, свадьба, вечеринка, экскурсия, собрание, лекция, облава*. Таким образом, каждый из субъектов-агентов может повлиять как на интервал активности, так и на

результат, но при этом ни один субъект не контролирует мероприятие полностью. Например, ситуация «спектакль», в которой участвуют артисты, зрители, технический персонал, не может полностью контролироваться ни одним из участников. Кроме того, в мероприятиях могут участвовать и пациенты (например, пациент в ситуации прививки — пациент), а также участники с другими ролями (например, зрители в ситуации «спектакль» являются и агенсами (смотрят), и экспериенцерами (видят; чувствуют; сопереживают)).

ПРИМЕЧАНИЕ. Иногда выбор номинативной или локативной конструкции связан с дифференциацией ролей: *Он на спектакле* — он скорее зритель; *У него спектакль* — он скорее артист; *У него выступление* — он выступающий, а не зритель. Однако мы не можем останавливаться на этом подробно.

Таким образом, хотя в мероприятии обязательно участвует агенс (агены), это ситуация с ослабленной агентивностью, т. к. никакой агенс (даже главный, если он есть) не имеет полного контроля над мероприятием.

С синтаксической точки зрения посессивная группа при событийном существительном выражает «независимый» субъект (так называемый детерминант, ср. [РГ 1980]), который синтаксически противопоставлен управляемому субъекту, ср.: *У писателя встреча с читателями* vs. *встреча писателя с читателями*. С семантической точки зрения в посессивной группе происходит как бы нейтрализация ролей — посессивная группа обозначает просто участника мероприятия безотносительно к его роли, т. е. референтом посессивной группы *у + Род.* в ситуации *Р'* может быть и агенс, и контрагент, и пациент, и другие актанты некоторой исходной ситуации *Р*: *У них встреча* — они проводят встречу vs. кто-то проводит встречу с ними; *У нас проверка* — мы проверяем vs. нас проверяют.

При этом, как уже говорилось выше, вряд ли корректно утверждать, что агенс (или пациент, или экспериенцер) в русском языке может кодироваться посессивной группой. Посессивно-номинативная конструкция представляет собой такую концептуализацию исходно агентивной ситуации, когда агентивность отходит на второй план, а в конструкции выражается просто связь субъекта с некоторой ситуацией.

Итак, первая особенность посессивно-субстантивной конструкции со значением мероприятия состоит в том, что в ситуации с ослабленной агентивностью *Р'* субъект (в том числе референт агенса ситуации *Р*) выражается посессивной группой.

ПРИМЕЧАНИЕ. Мероприятие, будучи обобщением конкретных действий разных участников, похоже на интерпретацию (об интерпретации ср. [Апресян 2006]), когда конкретное действие обобщается и интерпретируется: например, интерпретация *Ты нас подвел* может относиться к ситуациям «не пришел вовремя»; «не сделал то, что обещал»; «разгласил тайну» и т. п. При этом, находясь на более высоком уровне обобщения, предикативная номинализация-мероприятие утрачивает свойства управляемой номинализации — в частности, возможность стандартного выражения актантов исходной ситуации *Р*. Так, нельзя сказать: **У нас проверка комиссией из министерства* (в значении ‘нас

проверяет комиссия’), — т.е. мероприятие *проверка* не присоединяет агенса в творительном падеже (можно сказать: *У нас в прошлом месяце была проверка школы комиссией из министерства*, но в данном случае у нас — это так называемое миропорождающее обстоятельство, ср. [Богуславский 1996] (впрочем, это специальная тема, в которую мы не можем углубляться). С другой стороны, к управляемой номинализации не присоединяется посессивная группа: *Проверка *у нас комиссией из министерства выявила недостатки*.

Другая характерная особенность посессивно-субстантивной конструкции — значение времени.

Рассмотрим конструкцию *У меня Ø встреча*. Это настоящее время с нулевым глаголом; соответственно, прошедшее и будущее время включают ненулевой глагол, ср.: *Я не могу сейчас разговаривать по телефону, у меня Ø встреча; Я не мог разговаривать, когда ты позвонил, у меня была встреча; Я не смогу завтра с тобой пообедать, у меня в это время будет встреча*. Уникальность конструкции *У меня встреча* с нулевым глаголом состоит в следующем. У полнозначного глагола, обозначающего эпизодическое действие, есть синхронное настоящее (с синхронным наблюдателем: *Я сейчас обедаю с друзьями, но скоро освобожусь*), настоящее историческое (*Обедаю я вчера с друзьями, и тут звонит мой начальник*) и настоящее профетическое (*Завтра я обедаю с друзьями*). Считается, что способностью выражать эти значения обладает соответствующая глагольная форма — при наличии определенных элементов контекста, например, наречий времени. Оказывается, однако, что конструкция *У меня Р* с определенными существительными обладает (частично) сходными свойствами: она может обозначать как актуальную ситуацию, происходящую в момент речи (собственно настоящее), ср.: *Позвоните позже, у меня встреча*, так и будущее действие, — т.е. имеет своего рода профетическое, или проспективное, употребление: *Сегодня вечером я занят. У меня встреча; У него через месяц свадьба* (= ‘будет встреча / свадьба’). Интересно, что аналогичным свойством — проспективной интерпретацией конструкции настоящего времени — обладают так называемые бытийные предложения с событийными (непредметными) существительными, ср.: *Не оставляй форточку открытой, завтра мороз / дождь / ураган; — Почему все ушли на час раньше? — Завтра праздник / Завтра суббота*. Обратим внимание, что ситуации типа *Мороз, Дождь* и под., а также отрезки времени типа *суббота* — неконтролируемые, но прогнозируемые. Ситуации же типа *Грипп, Неприятности*, которые являются и неконтролируемыми, и непрогнозируемыми, в профетической конструкции не участвуют: **Сдай отчет, иначе у тебя завтра неприятности*.

В заключение заметим, что не любую агентивную ситуацию уместно выражать с помощью посессивно-номинативной конструкции. Семантика номинализации должна быть подходящей для осмысления в качестве мероприятия, ср. *У меня сегодня закрытие конференции* vs. *?У меня сегодня закрывание замка; У меня вечером выступление* vs. *?У меня вечером опровержение; У меня сейчас / сегодня / завтра тренировка, спектакль, футбол, лекция*, но: *?У меня сейчас мытье посуды, не могу разговаривать по телефону*. Однако *Гулять не пойду, у меня мытье*

посуды сказать, по-видимому, можно — в значении запланированного мероприятия, занимающего определенный интервал (мы не можем подробно останавливаться на семантических различиях номинализаций).

Подчеркнем, что в субстантивной конструкции ситуация концептуализована как «нормально протекающая» (хотя и не полностью контролируемая). Это важно отметить потому, что среди глагольных конструкций с посессивной группой *y + Род.*, к рассмотрению которых мы сейчас переходим, встречаются такие, у которых использование посессивной группы для обозначения референта агенса связано с нарушениями в ходе протекания ситуации (см. 2.2).

2. Глагольные конструкции: ВЫТЕСНЕНИЕ агенса из текущей ситуации

Итак, мы рассмотрели ситуации *P'* с ослабленной агентивностью. Теперь рассмотрим случаи, когда в исходно агентивной ситуации *P* имеются такие отклонения от прототипа, что она получает неагентивную концептуализацию *Q*. Рассмотрим два таких отклонения: в первом случае (2.1) речь идет об особенностях реализации агентивной ситуации, а именно — о наличии внешнего источника энергии, во втором (2.2) — о наличии неблагоприятных факторов, приводящих к нарушению хода ситуации.

2.1. Ситуации с инициальным контролем

С точки зрения характера участия агенса на интервале ситуации можно различить синхронный контроль и инициальный контроль.

При синхронном контроле агент занят на всем интервале ситуации и использует собственную энергию (ситуация не может совершаться без его участия), тем самым он осуществляет контроль в каждый момент времени, например: *Х пришивает пуговицу / забивает гвоздь / красит стену*. Но бывают ситуации, когда агент только запускает процесс, но не участвует в нем в каждый момент ситуации (см. [Кустова 1992]), т. к. используется энергия из внешнего источника, — мы будем называть это инициальным контролем. В этом случае одна и та же денотативная ситуация *D* (т. е. фрагмент внеязыковой реальности) может получать разную языковую концептуализацию — агентивную концептуализацию *P*: *Я варю суп / сушу белье / печатаю статью* (на принтере) / *проветриваю комнату* — или неагентивную концептуализацию *Q*: *У меня суп варится / белье сушится / статья печатается* (на принтере) / *комната проветривается*.

В отличие от пассивных конструкций типа *Вопрос рассматривается комиссией*, конструкции типа *Белье сушится* — не пассив, а декаузатив (ср. [Падучева 2001]): они не допускают агенса в творительном, ср. *Белье сушится мной*, *Суп варится хозяйкой*; кроме того, у них есть совершенный вид с глаголом на *-ся*: *У меня суп сварился*, — чего не бывает в пассиве (ср.: **Суп сварился шеф-поваром* → *сварен*; **Вопрос рассмотрелся комиссией* → *рассмотрен* (в [Гаврилова 2014: 27] используется термин квазипассивная *y*-конструкция), ср. также [Зельдович 2010];

в случаях типа *У них вопросы рассматриваются годами* речь идет о характеристике мира, а у *них* ('в их учреждении / организации / коллективе') является миропорождающим обстоятельством, ср. [Богуславский 1996]). В то же время, в отличие от конструкций типа *Белье сохнет*, где нет связи с агенсом, конструкции типа *Белье сушится* являются производными от агентивных, связь с агенсом, запустившим процесс, из них неустраима (ср. [Падучева 2001]), а референт агенса, в случае необходимости его выражения, кодируется посессивной группой.

Ситуации с синхронным контролем не допускают такой концептуализации: например, агентивную ситуацию *Патруль проверяет документы* можно обозначить предложением *Документы проверяются патрулем*, но нельзя обозначить предложением **У патруля документы проверяются* (в смысле 'патруль занят проверкой'); предложения вида *У меня красится стена* не связаны с агентивной ситуацией *Я крашу стену*, а имеют неагентивную интерпретацию 'стена пачкается'. В случае *У меня суп варится* можно говорить, что референт агенса ситуации Р в ситуации Q концептуализован не как агенс, а как субъект, причастный к данной ситуации Q (а именно — запустивший процесс): он является, с одной стороны, особого рода контролером этого интервала, который наблюдает за процессом, но не участвует в нем, хотя может вмешаться, а с другой стороны — своего рода посесором («хозяином») будущего результата. Поэтому на «агентивный» вопрос *Что ты сейчас делаешь?* нельзя ответить неагентивной (посессивной) конструкцией *У меня суп варится*, но эту посессивную конструкцию можно использовать для обозначения того, что субъект «привязан» к интервалу ситуации, хотя и не занят в каждый момент времени, ср.: *Я не могу сейчас пойти гулять — у меня суп варится*, а также для представления референта агенса как владельца будущего результата ('через некоторое время у X-а (в распоряжении X-а) будет Y'), ср. — *У тебя есть что-нибудь на обед? — Да, у меня суп варится*.

Итак, агенс может быть «вытеснен» из ситуации в силу особенностей процессов типа *варить*, *кипятить*, *сушить* и под. Однако глаголы типа *сушиться* не обозначают полностью автономного процесса и всегда предполагают агенса-инициатора, поэтому вытесненный агенс может присоединяться к процессу в качестве посесора.

Такая стратегия кодирования референта агенса допустима не во всех случаях ослабления или утраты агентивности. Так, в ситуациях так называемой внешней каузации (каузатива обслуживания), ср. *Я шью костюм в ателье*, посессивная группа неупотребительна: *?У меня костюм шьется / сшил в ателье*.

2.2. Вмешательство неблагоприятных факторов в ход ситуации

Второй вариант отклонения от прототипа и «вытеснения» агенса из текущей ситуации — нарушение хода ситуации (например, из-за наличия помех) и частичная потеря контроля: деятельность есть, а результата нет.

Если в пассиве агенс может вытесняться из главной синтаксической позиции (смещаясь на периферию), то при наличии помех (и утрате контроля) агенс может

вытесняться из семантической структуры: из ситуации Р экстрагируется неагентивный фрагмент Q; референт агенса сохраняет связь с этим «вырезанным» фрагментом Q, но кодируется посессивной группой:

У меня мотор не заводится

У меня замок не открывается

Если различать ситуацию как фрагмент реальности и ситуацию как концепт предиката, то на уровне реальности (т. е. физически) *Я пытаюсь (но не могу) завести мотор* и *У меня мотор не заводится* — это одна и та же ситуация, которая получает разные концептуализации и, соответственно, разное языковое выражение. В отличие от конструкции *У меня суп варится*, где агентс просто поставил суп на плиту, здесь агентс действует на всём интервале ситуации — он предпринимает усилия, затрачивает энергию. Такая ситуация может рассматриваться с разных сторон: агентивная концептуализация — *Х заводит / пытается завести мотор* — представляет собой попытку, не достигающую результата, а посессивно-модальная концептуализация подчеркивает утрату контроля агентсом: *У X-а мотор не заводится*.

В работе [Летучий 2016: 297] конструкции типа *У меня дверь не открывается* считаются модальным пассивом, а группа *у меня* — выражением агенса (именно сохранение агенса отличает пассив от декаузатива, ср. [Падучева 2001]). На наш взгляд, хотя в денотативной ситуации есть агентс, конструкция *У меня дверь не открывается* используется как раз для того, чтобы на уровне языкового выражения эта ситуация получила неагентивную концептуализацию (что сопровождается неагентивным кодированием референта агенса с помощью посессивной группы). Показательно, что форма страдательного причастия (*У меня дверь открыта*) в контексте посессивной группы также не имеет агентивной интерпретации, т. е. значения акционального перфекта (см. ниже).

Подчеркнем, что речь идет именно об актуальной интерпретации конструкций вида *У меня замок не открывается*; при этом они имеют и другую интерпретацию — свойство объекта, не локализованное на конкретном временном интервале ('замок сломан, неисправен'). Однако высказывание о свойстве имеет другую коммуникативную организацию. Если в значении помех фрагмент *замок не открывается* является нечленимой ремой: — *Ну, что ты там возишься?* — *У меня ЗАМОК не открывается*, — то в значении свойства объекта посессивная группа является избыточной, подразумеваемый субъект — обычно обобщенный ('никто не сможет открыть замок'), а рема совпадает со сказуемым: [*Этот*] *замок НЕ ОТКРЫВАЕТСЯ*; данная конструкция имеет и положительную форму: ... *а тот замок прекрасно открывается* (при этом посессивная группа, в принципе, возможна, ср.: *У меня [= 'мой'] замок НЕ ОТКРЫВАЕТСЯ*, т. е. 'мой замок неисправен').

Наконец, третий вариант интерпретации — ситуация неудачи обобщается до свойства (характеристики) субъекта: *У тебя вечно то мотор не заводится, то замок не открывается, а вот у Пети всё всегда заводится и открывается*.

Таким образом, у конструкции «У X-а Y не P-ся» минимум три интерпретации: актуальная неудача, свойство объекта и свойство субъекта.

3. Результат R агентивной ситуации P: y + Род. — ВЛАДЕЛЕЦ РЕЗУЛЬТАТА

Итак, мы рассмотрели случаи вытеснения агенса из текущей ситуации. Наконец, рассмотрим случай, когда сама агентивная ситуация завершается, но референт агенса сохраняет связь с ее результатом: на интервале T_1 имела место агентивная ситуация P, на интервале T_2 имеет место ее результат R (обозначаемый страдательным причастием) — состояние. На интервале состояния референт агенса не может сохранять агентивного кодирования. В рамках ситуаций типа *Уроки сделаны; Экзамены сданы* агенс ситуаций типа *Я сделал уроки; Я сдал экзамен* может рассматриваться как посессор, так сказать, владелец результата, — и в таком случае референт агенса кодируется посессивной группой: *У меня уроки сделаны; У меня экзамены сданы* (в других языках так называемый посессивный тип перфекта может включать собственно посессивный глагол, ср. чешск. *Mám papsán dopis* ‘У меня письмо написано’ букв. ‘Имею письмо написанным’, ср. также англ. конструкцию «complex Object with passive participle» *I have a letter written*). При этом в фокусе может оказаться не сам результат, а те следствия, которые с ним связаны. Например, *У меня уроки сделаны* может означать, что вечер свободен, и можно идти гулять, — т. е. субъект «владеет» (может пользоваться) не только результатом, но и следствиями из него. «Владелец» результата может быть также пациентом предшествующей ситуации: *У меня прививки сделаны* (кто-то сделал прививки X-у, а не X сам себе сделал прививки); наконец, y + Род. может обозначать просто внешнего посессора (*У меня форточка открыта* — ‘моя форточка’; форточка могла быть открыта самим субъектом, другим лицом или даже открыться от ветра), — но нам важно зафиксировать, что посессивное кодирование допустимо, в том числе, для референта агенса предшествующей ситуации P.

ПРИМЕЧАНИЕ. Конструкцию обладания результатом необходимо отличать от предложений типа *У меня ФОРТОЧКА открыта; У меня об этом ДВЕ СТАТЬИ написаны*. Формально-синтаксически они похожи на «владение результатом», но произносятся с другой интонацией и имеют другую коммуникативную организацию: *У меня экзамены СДАНЫ* — ударение на сказуемом; *У меня ФОРТОЧКА открыта* — ударение на подлежащем. Высказывание с такой коммуникативной организацией может быть, например, ответом на вопрос «Почему у тебя холодно?»; в примере Т. Е. Янко *Тише, БАБУШКА спит* высказывание является объяснением, почему нельзя шуметь (см. [Янко 2001: 182–197]); аналогично: *Осторожно, у меня СТЕНА покрашена* (предостережение: ‘ты можешь испачкаться’) и т. п. Для таких конструкций связь с агентивной ситуацией не важна, поэтому ее может и не быть, ср.: *Я не могу нести чемодан, у меня РУКА болит* — это просто состояние, и не важно, в результате чего оно возникло.

Само по себе краткое страдательное причастие может иметь, как известно, разные значения, а именно: (а) значение акционального перфекта (события), — тогда агенс сохраняется и может быть выражен творительным, ср. *Магазин был*

открыт продавцом в 10 часов: Наконец, хоть и с большим трудом, дверь была открыта, (б) значение статального перфекта (состояния, в другой терминологии — результата), — и тогда агенс утрачивается, и его выражение невозможно (поскольку его нет в данном типе ситуации): *Дверь была открыта весь день, но никто не вошел*, — ср.: **Дверь была открыта хозяином весь день*.

При наличии посессивной группы *у меня* конструкция с кратким страдательным причастием не может выражать событие, т.е. не может иметь значение акционального перфекта: **После долгих усилий у меня дверь была открыта* (в значении ‘мною’), а имеет неагентивную интерпретацию (выражает состояние): *Сходи ко мне в номер за документами, у меня дверь открыта*.

Заключение

Итак, мы рассмотрели случаи посессивного кодирования субъекта в определенных типах ситуаций — мероприятиях с ослабленной агентивностью Р’ (*У меня тренировка*) и неагентивных ситуациях Q (*У меня суп варится / мотор не заводится*) или R (*У меня уроки сделаны*). При этом происходит понижение статуса агенса или даже «вытеснение» его из ситуации.

Центральным является случай, когда некоторая денотативная ситуация D (фрагмент внеязыковой реальности) может получать как агентивную (*Я варю суп / пытаюсь завести мотор*), так и неагентивную концептуализацию (*У меня суп варится / мотор не заводится*). К этой центральной структуре примыкают, с одной стороны, мероприятия как ситуации с ослабленной агентивностью, а с другой — результаты как ситуации с утраченной агентивностью (результат накапливается в рамках агентивной ситуации Р (т.е. на интервале действия), а затем существует в качестве состояния R на следующем временном интервале).

Говорящий может не акцентировать связь Р’, Q или R с агентивной ситуацией Р (не выражать референта агенса): *Сегодня тренировка; Суп еще варится; Мотор почему-то не заводится; Уроки сделаны — можно гулять*. Однако, в отличие от ситуаций типа *Сегодня мороз; Вода испаряется; Эта ткань не мнется; Ветка сломалась; Ветка сломана*, которые происходят стихийно, под воздействием случайных факторов, ситуации типа *Тренировка; Мотор не заводится* или *Уроки сделаны* всегда связаны с агентивной ситуацией Р и ее субъектом X-ом, поскольку сами предикаты этих ситуаций являются либо агентивными (*тренировка*), либо семантически производными от агентивных и в данных значениях сохраняют связь с агентивной ситуацией Р. Связь с агенсом из этих ситуаций неустраима, а если эта связь утрачивается, речь идет о другом значении предиката: например, фразы *Прогретый мотор завелся с полуоборота* [Е. Сухов]; *Мотор заводится с полуоборота* [«За рулем»] имплицитно означают ‘кто-то заводит мотор’, а предложение *Сергея начал заводиться с полуоборота* [А. Лукьянов] не предполагает, что есть агенс, который заводит Сергея (примеры из НКРЯ).

Поскольку связь с агенсом ситуации Р в ситуациях Р’, Q или R всегда присутствует, то, если говорящий хочет эту связь показать, участник X исходной ситуации

Р с ролью агенса должен «перейти» в ситуацию Р', Q или R в другом качестве. Стандартные способы выражения референта агенса здесь невозможны, поэтому говорящий должен прибегать к другим стратегиям.

Основными способами кодирования референта агенса ситуации Р в неагентивной ситуации, связанной с Р, в русском языке являются датив и посессивная группа. Датив, как упоминалось в начале данной работы, используется в тех случаях, когда в ситуации есть модальный компонент. В нашем материале используется другая стратегия неагентивного кодирования — посессивная группа.

Если в случае *У него крыша протекает* группа *у него* — это внешний посессор, не участвующий в описываемой ситуации, но связанный с одним из ее участников ('его крыша'), то в случае *У него суп варится / мотор не заводится* группа *у него* — это, так сказать, внешний агент, который не является участником данной ситуации, но связан с ней — причем тоже, в широком смысле, посессивными отношениями. Неудивительно, что «внешний агент» и внешний посессор кодируются в русском языке одним и тем же способом, — это весьма показательно и далеко не случайно, однако эту проблему мы рассмотрим в другой работе.

Литература

Апресян Ю. Д. Лексикографический тип: интерпретационные глаголы // Языковая картина мира и системная лексикография. Отв. ред. Ю. Д. Апресян. М.: ЯСК, 2006. С. 145–160.

Богуславский И. М. Сфера действия лексических единиц. М., 1996. 468 с.

Богуславский И. М. Актантное поведение адвербиальных дериватов // Динамические модели: Слово. Предложение. Текст. Сб. статей в честь Е. В. Падучевой. М., 2008. С. 110–128.

Гаврилова В. И. К вопросу о залоговом статусе возвратных сказуемых квазипассивных конструкций // Научно-техническая информация. Сер. 2. Информационные процессы и системы. 2014. №7. С. 16–32

Зельдович Г. М. Синтетический пассив совершенного вида на -ся: почему его почти нет? // Вопросы языкознания. 2010. №2. С. 3–36.

Золотова Г. А. Синтаксический словарь: Репертуар элементарных единиц русского синтаксиса. М.: Наука, 1988. 440 с.

Кибрик А. Е. Внешний посессор в русском языке // Кибрик А. Е. Константы и переменные языка. СПб.: Алетейя, 2003. С. 307–319.

Кибрик и др. 2006 — *Кибрик А. Е., Брыкина М. М., Леонтьев А. П., Хитров А. Н.* Русские посессивные конструкции в свете корпусно-статистического исследования // Вопросы языкознания. 2006. №1. С. 16–45.

Кустова Г. И. Некоторые проблемы анализа действий в терминах контроля // Логический анализ языка. Модели действия. М.: Наука, 1992. С. 145–150.

Кустова Г. И. Семантическая разметка в электронных корпусах и электронных словарях // Труды международной конференции «Корпусная лингвистика–2011». СПб., 2011. С. 234–242.

Кустова Г. И. Семантические механизмы формирования адвербиальных выражений на базе отглагольных существительных // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Труды международной конференции «Диалог-2013». Вып. 12, т. 1. М., 2013. С. 392–406.

Летучий А. Б. Переходность // Материалы к корпусной грамматике русского языка. Глагол. Часть I. СПб: Нестор-История, 2016. С. 268–337.

Лютикова Е. А. Стратегии оформления аргументов в русской событийной номинализации и теория падежа // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. Вып. 10. Материалы международной научной конференции «Грамматические процессы и системы в синхронии и диахронии» (30 мая — 1 июня 2016 г.). М., 2016. С. 201–219.

Падучева Е. В. Каузативные глаголы и декаузативы в русском языке // Русский язык в научном освещении. 2001. № 1. С. 52–79.

Падучева Е. В. Актантная структура и диатеза отглагольного имени // Научно-техническая информация. Сер. 2. Информационные процессы и системы. 2010. № 6. С. 24–30.

Плунгян В. А., Рахилина Е. В. Заметки о контроле // Р. М. Фрумкина (ред.). Речь: восприятие и семантика. М.: ИЯз АН СССР, 1988. С. 40–48.

Рахилина Е. В. Конструкция с дательным possessивным // Лингвистика конструкций / Отв. ред. Е. В. Рахилина. М.: Азбуковник, 2010. С. 289–308.

РГ 1980 — Русская грамматика / Под. ред. Н. Ю. Шведовой. Т. 2. М.: Наука, 1980. 709 с.

Янко Т. Е. Коммуникативные стратегии русской речи. М.: ЯСК, 2001. С. 182–197.

Possessive and Beyond: Semantics and Syntax / Ed. by Kim J., Lander Yu.A., Partee V. H. GLSA Publications, Amherst, Mass., USA, 2004. 439 p.

Galina I. Kustova

*Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russia)
galinak03@gmail.com*

A CODING STRATEGY FOR NON-AGENTIVE SUBJECTS

An agentive situation P can be associated with a non-agentive situation (cf. the action $P \rightarrow$ the result R) or can have a non-agentive conceptualization Q (P') if unfavorable (less often — favorable) factors influence its implementation. In this case, the referent of the agent of the situation P has non-agent coding in the situation P', Q or R. One coding strategy is a possessive group «*u* + Gen.»: (1) P' — event (situation with weakened agency): *U menya repeticiya* ('I have a rehearsal'; P = *Ya repetiruyu* 'I rehearse');

(2) Q — non-inactive conceptualization of the situation P: *U menya sup varitsya / svarilsya* ('I have soup cooked'; P = *Ya varyu sup* 'I cook soup'); *U menya motor ne zavoditsya* ('My motor will not start'; P = *Ya ne mogu zavesti motor* 'I cannot start the motor'); (3) R is the result of an agentive situation P: *U menya uroki sdelayany* ('I have done my lessons'; P = *Ya sdelaal uroki* 'I did my homework').

Keywords: Agent, Possessor, control, non-agentive conceptualization.

References

Apresjan Yu.D. [Lexicographic Type: Interpretative Verbs]. *Yazykovaya kartina mira i sistemnaya leksikografiya* [Linguistic picture of the world and systemic lexicography]. Ed. by Yu. D. Apresjan. Moscow, 2006, pp. 145–160. (In Russ.)

Boguslavsky I.M. *Sfera dejstviya leksicheskikh edinic* [The Scope of lexical units]. Moscow, 1996. 468 p. (In Russ.)

Boguslavskij I.M. Argument behavior of adverbial derivatives [Aktantnoe povedenie adverbial'nyh derivatov]. *Dinamicheskie modeli: Slovo. Predlozhenie. Tekst* [Dynamic models: Word. Sentence. Text]. Moscow, 2008, pp. 110–128. (In Russ.)

Gavrilova V.I. [On voice status of reflexive predicates in quasipassive constructions]. *Nauchno-tehnicheskaja informatsija. Ser. 2. Informatsionnye protsessy i sistemy* [Scientific and Technical Information. Series 2. Information processes and systems]. 2014, no. 6, pp. 16–32. (In Russ.)

Zel'dovich G.M. [The synthetic passive of perfective aspect with -sya: why is it almost absent?]. *Voprosy yazykoznanija*, 2010, no. 2, p. 3–36. (In Russ.)

Zolotova G.A. *Sintaksicheskij slovar': Repertuar elementarnyh edinic russkogo sintaksisa* [Syntactic dictionary: Repertoire of elementary units of Russian syntax]. Moscow, «Nauka» Publ., 1988. 440 p. (In Russ.)

Kibrik A.E. [External possessor in Russian]. *Konstanty i peremennye yazyka* [Constants and variables in language]. St. Petersburg, 2003, pp. 307–319. (In Russ.)

Kibrik et al. — Kibrik A.E., Brykina M.M., Leontyev A.P., Khitrov A.N. [Russian possessive constructions in corpus-statistical research]. *Voprosy yazykoznanija*, 2006, no. 1, pp. 16–45. (In Russ.)

Kustova G.I. [Some problems of analysis of actions in terms of control]. *Logicheskij analiz yazyka. Modeli dejstviya* [Logical analysis of language. Action models]. Moscow, «Nauka» Publ., 1992, p. 145–150. (In Russ.)

Kustova G.I. [Semantic markup in electronic corpuses and electronic dictionaries]. *Trudy mezhdunarodnoj konferencii «Korpusnaya lingvistika–2011»* [Proceedings of the International Conference «Corpus Linguistics — 2011»]. St. Petersburg, 2003, pp. 234–242. (In Russ.)

Kustova G.I. [Adverbial expressions based on verbal nouns]. *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii. Trudy mezhdunarodnoj konferencii «Dialog-2013»* [Computational Linguistics and Intellectual Technologies. Proceedings of the International Conference. Issue 12 (19), vol. 1]. Moscow, RGGU Publ., 2013, pp. 392–406. (In Russ.)

Letuchij A. B. [Transitivity]. *Materialy k korpusnoj grammatike russkogo yazyka. Glagol. Chast' I* [Materials for the corpus grammar of the Russian language. Verb. Part I]. St. Petersburg, 2016, pp. 268–337. (In Russ.)

Lyutikova E. A. Argument Encoding in Russian Event Nominals and Case Theory. *Trudy Instituta russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova. Vyp. 10. Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii «Grammaticheskie processy i sistemy v sinhronii i diahronii» (30 maya — 1 iyunya 2016 g.)* [Proceedings of the V. V. Vinogradov Russian Language Institute, 2016, No. 10. Materials of International Scientific Conference «Grammatical Processes and Systems in Synchrony and in Diachrony» (May 30 — June 1, 2016)]. Moscow, 2016, pp. 201–219. (In Russ.)

Paducheva E. V. [Causative verbs and decausatives in Russian]. *Russkij yazyk v nauchnom osveshchenii*, 2001, no. 1, pp. 52–79. (In Russ.)

Paducheva E. V. [Argument structure and diathesis of nominalizations]. *Nauchno-tehnicheskaja informatsija. Ser. 2. Informatsionnye protsessy i sistemy* [Scientific and Technical Information. Series 2. Information processes and systems]. 2010, no. 6, pp. 24–30. (In Russ.)

Plungyan V. A., Rahilina E. V. Notes on control. *Rech': vospriyatie i semantika (Red. R. M. Frumkina)* [Speech: perception and Semantics. Ed. by Frumkina R. M.]. Moscow, 1988, pp. 40–48. (In Russ.)

Rakhilina E. V. [Constructions with possessive dative]. *Lingvistika konstrukcij / Otv. red. Rahilina E. V.* [Constructions Linguistics / Ed. by Rahilina E. V.]. Moscow, 2010, pp. 289–308. (In Russ.)

Russkaya grammatika / Pod. red. Shvedovoj N. Yu. [Russian grammar. Ed. by Shvedova N. Yu.]. Moscow, «Nauka» Publ., 1980. Vol. 2. 709 p. (In Russ.)

Yanko T. E. *Kommunikativnye strategii russkoj rechi* [Communicative strategies of Russian speech]. Moscow, 2001, pp. 182–197. (In Russ.)

Possessive and Beyond: Semantics and Syntax / Ed. by Kim J., Lander Yu. A., Par-tee B. H. GLSA Publications, Amherst, Mass., USA, 2004. 439 p.